

УДК 94(476-074) “+1939/1945”+336.22

Е.А. ГРЕБЕНЬ

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье на основе обширной базы архивных источников анализируется система налогообложения и повинностей гражданского населения Беларуси в период нацистской оккупации. Характеризуются основные налоги и сборы, выплачиваемые городским населением, показаны последствия налогообложения для наименее обеспеченных слоев горожан. Рассмотрен ряд повинностей, которые вынуждены были нести сельские жители.

Автор констатирует саботаж налоговой политики жителями Беларуси, следствием чего стало введение немецкими властями премиальной системы. Эффективность налоговой политики оккупационных властей рассмотрена в контексте стратегий выживания населения оккупированной Беларуси.

Введение

В рамках исследования экономической политики немецких оккупационных властей традиционно уделялось внимание натуральным повинностям крестьян, эффективности аграрной политики в целом. В достаточной степени разработана проблема принудительного труда населения оккупированной Беларуси [1]. В то же время гражданское население платило множество налогов и выполняло значительное количество повинностей, без рассмотрения которых нельзя говорить о целостном восприятии нацистской экономической политики в Беларуси.

Основная часть

Немецкие оккупационные власти создали разветвленную систему налогообложения населения Беларуси. Постановления о налогах и повинностях издавались генеральным комиссаром Беларуси, командующим тылом группы армий “Центр” и ретранслировались главами коллаборационной администрации. Налогообложение горожан можно проиллюстрировать на примере г. Витебска. Так, 26 января 1942 г. вышло постановление о взимании подушного сбора на территории г. Витебска и Витебского района, согласно которому все население города и волостей района в возрасте от 18 до 60 лет было обязано уплачивать подушный налог в размере 30 руб. в год. Налог уплачивался равными долями по 15 руб. за каждое полугодие или, по желанию плательщика, мог быть полностью уплачен в первом полугодии. Бургомистр Витебска и Витебского района в исключительных случаях имел право частично или полностью снять налог по предложению финансового отдела городской управы или волостных бургомистров. Подобный порядок просуществовал недолго: 3 июня 1942 г. были внесены изменения и дополнения к постановлению о взыскании подушного налога. С этого момента подушный налог возрастал до 120 руб. в год. Категории граждан, имевших право на снижение или отмену подушного налога, были определены в июле 1942 г. От уплаты подушного налога освобождались инвалиды 1-й категории при отсутствии недвижимого имущества (допускалось наличие огородов до 0,03 га и небольших строений без квартирантов; не работающие инвалиды 2-й категории, если в их семье имеется только один кормилец; безработные матери малолетних детей; нищие, проживающие на подаяние. Инвалиды 1-й категории при наличии огородов от 0,03 до 0,06 га, нетрудоспособные и не работающие при

наличии в семье более одного работающего члена, безработные матери при наличии домовладения без квартирантов с огородом до 0,03 га уплачивали налог в полном размере. На снижение налога могли претендовать иждивенцы, не работающие по причине безработицы, проживавшие в семьях рабочих и служащих с заработком до 200 руб. при отсутствии побочных доходов, за исключением огорода до 0,03 га, и безработные матери при наличии домовладения с доходами в виде квартплаты до 100 руб. и огорода от 0,03 до 0,06 га [2, л. 27–28, 41, 47, 51].

За услуги, оказываемые населению при обращении в учреждения, вводился канцелярский сбор с подаваемых письменных заявлений, выдаваемых гражданам справок, удостоверений и за заверение подписей. Канцелярский сбор устанавливался в размере 1 руб. за каждый выданный документ. Паспортный сбор (3 руб.) взимался за выдачу паспорта (5 руб.), продление срока действия, прописку, внесение регистрационных отметок. Вводился сбор за регистрацию актов гражданского состояния: метрические записи о рождении или смерти – 3 руб., бракосочетание – 10 руб., развод – 100–300 руб., выдача справок, удостоверений или выписок из метрических книг – 3 руб. Строительный сбор взимался в размере 1 руб. за каждый м² застраиваемой площади. Рыночный сбор за каждый базарный день составлял: за торговлю с рук, лотков, с земли на площадке 2 м² – 2 руб., с возов, с земли на площадке более 2 м², за продажу мелкого скота (за голову) – 5 руб., за торговлю из ларьков, палаток, при продаже крупного скота – 10 руб. Торгово-промышленный сбор составлял от 50 до 500 руб. в год. Бургомистр города и района имел право освобождать от сборов на основании ходатайств граждан [2, л. 8–11].

16 июля 1942 г. вышло распоряжение бургомистра Витебского района «О карательных мерах за нарушение Постановления об общинных налогах, сборах и других обязательных взносах, проводимых на территории г. Витебска и его района». За просрочку хотя бы на 1 день уплаты общинных налогов взыскивалась пеня в размере 10% от подлежащей к уплате суммы. За несвоевременную уплату квартирной и арендной платы и коммунальные услуги взималась пеня в размере 1% от суммы за каждый просроченный день. Имущество неплательщика могло быть конфисковано в качестве оплаты недоимки и расходов, связанных с ее получением [2, л. 56–57].

Тяжелое материальное положение не позволяло многим гражданам уплачивать в подушный налог, поэтому они обращались к местной администрации с просьбой о его уменьшении либо снятии. Витебская городская управа была вынуждена разработать специальные недоимочные карточки на неплательщиков. Сотрудники администрации проверяли достоверность указанных в заявлении сведений и составляли акты обследования материального положения [3, л. 9–218, 238–239 об.]. Заявления о снятии налога поступали от граждан, вернувшихся с работы в Германии. Коллаборационная администрация часто была вынуждена уменьшать подушный налог, понимая, что обнищавшее население не в состоянии его выплачивать полностью. Для эвакуированных граждан могла возникать ситуация, когда они уплатили подушный налог, после чего были перемещены немцами в Витебск, где городская управа также требовала уплаты подушного налога. В случае отсутствия квитанций об уплате проверить справедливость заявляемых сведений было сложно, поэтому налог списывался частично [3, л. 591–593, 1–7 об., 299–301 об.].

Кроме фиксированных налогов крестьяне облагались рядом дополнительных повинностей и поборов. В рамках введенной оккупационными властями

обязательной трудовой повинности сельское население привлекалось к рубке и вывозу леса, гужевой повинности, дорожным работам. За сельскими общинами также закреплялся определенный участок дороги, который крестьяне были обязаны поддерживать в порядке. Сельские общины были обязаны подготовить дороги к зимнему сезону: построить снегозащитные сооружения, расставить двухметровые шесты как указатели проезжей части на случай снежных заносов, заготовить песок, гравий для посыпки дороги, лопаты, кирки, перед наступлением холодов выровнять дорогу боронованием. Крестьяне также должны были обезвреживать поставленные партизанами мины, используя специальные катки и брони, что приводило к гибели людей. Оккупационные власти осознавали этот факт. Например, слуцкий гебитскомиссар в своем письме к волостным бургомистрам Слуцкого района от 10.12.1943 г. констатировал гибель людей, но требовал от них под угрозой наказания ежедневно проводить разминирование [4, л. 81].

Владельцы коней были обязаны исполнять гужевую повинность, что отрывало время и силы от работы на своей земле, поэтому многие граждане регулярно от этой повинности уклонялись. Например, в феврале 1942 г. в административный отдел Браславской районной управы поступил список из 52 жителей Опсовской волости, которые уклонились от гужевой повинности. Аналогичный список из 19 чел. в марте 1942 г. представила Дрисвятская волостная управа. В примечаниях напротив некоторых фамилий имеются пометки “упорный”, “избил выборного” [5, л. 4, 5].

Периодически к волостным бургомистрам с просьбой прислать рабочую силу обращались руководители предприятий и организаций. Например, 14 ноября 1941 г. надлесничество обратилось к Микашевичскому волостному бургомистру с просьбой прислать трех женщин для сбора желудей, а 17 декабря 1941 г. просило выделить 20 чел. для сбора сосновых шишек [6, л. 26, 41]. Используя местные условия (климат, распространенные культуры), пинский гебитскомиссар 2 февраля 1942 г. приказал начать заготовку большого количества клюквы, необходимой для изготовления мармелада для вермахта. Начальник Лунинецкого района, продублировавший распоряжение для сельских старост и начальников школ, распорядился привлечь к сбору женщин или школьников. На уровне сельских общин распоряжение было саботировано. Староста одной из общин сообщил, что сбор клюквы невозможен, поскольку не растаял снег, старосты же других 8 деревень заявили, что вблизи их общин клюквы не имеется. Аналогичная ситуация повторилась в апреле 1942 г., когда земельный отдел Лунинецкой районной управы затребовал у сельских старост информацию о наличии в районе лозы и вербы, пригодной для выделки корзин. Старосты ряда общин заявили об отсутствии лозы. В июне 1942 г. земельный отдел затребовал сведения о тутовых деревьях и их владельцах, готовых разводить тутового шелкопряда, и посадках клубники, на что также был дан отрицательный ответ [7, л. 7, 9, 14–18, 20–22, 35, 28–36, 41, 42, 45].

Летом 1941 г. многие жители Беларуси сталкивались с реквизицией продуктов питания и скота проходящими немецкими воинскими частями и полицией. В отдельных случаях командиры немецких частей выдавали крестьянам документы о количестве конфискованных продуктов, стоимость которых немецкое командование обещало в будущем компенсировать. В дальнейшем реквизиции продолжались регулярно, поскольку территория Беларуси являлась транзитной для немецких войск, тут размещались значительные контингенты охранных войск и полиции, боровшихся с партизанами. Сельские общины стремились докумен-

тировать эти факты. Жители д. Яжевки Лунинецкого района составили акт о том, что с 1 января 1943 г. по 10 июля 1943 г. немецкими войсками, железнодорожниками и полицией были конфискованы продукты питания. Согласно акту за указанный период у 31 крестьянина было реквизировано 2289 шт. яиц, 152 курицы, 5 уток, 787 л молока и не менее 89 кг печеного хлеба [8, л. 2, 2 об., 4]. Происходили также регулярные поборы в пользу немецких чиновников. В декабре 1942 г. старшина Дрисвятской волости направил начальнику Браславского района донесение, в котором подробно описал бесчинства, творимые зондерфюрером. Перечислялось количество предоставленных продуктов питания (7 пудов пшеницы, несколько баранов, 6 л молока ежедневно), отмечался взлом немцем склада с конфискованными у населения радиоприемниками, требование предоставить ему борова к рождественским праздникам и арест самого старшины [9, л. 44].

Немецкие власти издавали распоряжения о сборе оружия, боеприпасов и военной амуниции, которые следовало сдавать в ортскомендатуру. Гражданам, сдавшим оружие, обещалась премия в виде махорки, водки и соли. Лицам, имевшим и не сдавшим оружие или снаряжение, угрожало лишение свободы. Неудачи вермахта на фронте и, как следствие, нехватка амуниции, привели к изданию в сентябре 1943 г. распоряжения, обязывавшего население собрать каски и шлемы с крестов солдатских могил и сдать их в ортскомендатуру [10, л. 88–89, 136]. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси местному населению для нужд германской армии предписывалось до 26 февраля 1942 г. сдать имеющиеся лыжи высотой свыше 1,5 м, лыжные палки и седла. Невыполнение распоряжения каралось как саботаж. В марте 1942 г. генеральный комиссар Беларуси обратился к населению с призывом собирать и сдавать властям изделия из цветных металлов (самовары, котлы, дверные вывески, монеты, музыкальные инструменты и др.). В качестве награды обещалась выдача свидетельства о том, что сдачик приобщился «к победе и обеспечению будущего своего края» [11, л. 34–36].

Периодически проводился сбор вещей для нужд вермахта. Первый сбор теплых вещей проходил уже зимой 1941 г. в разгар битвы под Москвой. Полоцкая ортскомендатура потребовала от волостных бургомистров до 30 декабря 1941 г. сдать от каждой волости по 50 пар перчаток, 20 пар меховых перчаток, 30 меховых пальто, 30 полушубков, 20 меховых жилеток, 50 меховых шапок, 50 ватных брюк, 50 шерстяных шарфов, 50 пар валенок и 10 пар меховых валенок. Вместо шуб и полушубков разрешалось сдавать овчины. Осенью 1942 г. по Экиманской волости у крестьян было реквизировано 367,5 кг шерсти 145 меховых полушубков, 16 меховых шапок, 25 ватных брюк, 100 пар валенок и других теплых предметов [12, л. 1, 7, 179]. В июле 1943 г. районный сельскохозяйственный руководитель требовал от крестьян сдать по 500 г шерсти с каждой овцы под угрозой ее конфискации [10, л. 28]. Сбор материальных ценностей мог сопровождаться апеллированием к морали. По распоряжению столинского гебитскомиссара Столинская районная управа 31 декабря 1941 г. начала сбор теплой одежды для немецкой армии, пытаясь воздействовать на сознание местного населения, объясняя важность проводимой акции: «Всі як один чоловік мусяць зрозуміти, що просидіти в теплій хаті можна і без кожуха і що наш народ не може оцінювати свою майбутню жітку по вартості кожуха. Тому ми повинні як найкраще а як найкорше виконати цей почесний обов'язок, наложений на нас історією» [13, л. 54].

Конфискация продуктов вермахтом или гибель имущества в ходе боевых действий летом–осенью 1941 г. давала крестьянам повод требовать снижения

или отмены продналога. Крестьянин просил Борковичскую волостную управу Полоцкого района засчитать в налог реквизированное вермахтом сено, но получил отказ по причине отсутствия доказательств. Другой гражданин апеллировал к коменданту Дриссенского района с просьбой снять с него продналог, поскольку имуществу сгорело. Сельской администрации было указано, что уменьшение налогов с сельской общины недопустимо, можно только перераспределять их, перекадывая на тех крестьян, кто в состоянии заплатить [14, л. 14, 49]. В аналогичном случае в декабре 1942 г. сельскохозяйственная комендатура Осиповичского района предписывала старосте общины Побоквичи снять военный сбор с гражданки, переложив его на остальных членов общины на основе закона круговой поруки [15, л. 27].

Возможно, что даже в случае добровольного оказания помощи партизанам переданный скот и продукты могли оформляться документально как принудительно изъятые, что, с одной стороны, отводило от человека подозрение в сотрудничестве с партизанами, с другой стороны, давало возможность просить об уменьшении налогов. Чтобы реквизированный скот и продукты были засчитаны как налог, граждане в заявлении обстоятельно расписывали размер ущерба и подкрепляли его подписями старосты и свидетелей. В заявлении жителя Молодечненской волости от 20.10.1943 г. сообщалось, что он посадил 0,02 га табаку на не пригодной для этой культуры земле, в результате табак вырос плохой, и тот в количестве 10 кг забрали партизаны, выдав соответствующую расписку [16, л. 189]. Выдача расписок о реквизициях практиковалась партизанами для предотвращения репрессий оккупационных властей, которые рассматривали передачу продуктов партизанам как добровольную помощь.

Высокие натуральные налоги, внеплановые реквизиции и грабежи со стороны вермахта и местной полиции, дефицит тягловой силы вынуждали крестьян использовать семенной фонд для питания. В результате под угрозой срыва оказывалась посевная кампания, поэтому оккупационная администрация была вынуждена уже осенью 1942 г. выделять некоторым хозяйствам семенные ссуды для посева озимых и яровых на следующий 1943 г. В августе 1943 г. волостные бургомистры получили распоряжение начальника Полоцкого района взыскать семенную ссуду. Одновременно поручалось подготовить заявления на выделение ссуды озимой ржи на 1943 – 1944 гг. Оккупационная администрация предвидела повторение прошлогодней ситуации, когда образовавшийся после уплаты налогов дефицит зерна угрожал срывом посевной кампании, а значит, обеспечению продовольствием вермахта [10, л. 123].

Чтобы преодолеть сопротивление крестьян, не спешивших сдавать немцам продукты даже под угрозой расправы, оккупационная администрация ввела систему стимулирующих мер. Летом 1942 г. Полоцкий районный отдел заготовки продуктов через волостных бургомистров сообщал сельскому населению, что за сданную сельскохозяйственную продукцию они смогут приобретать товары (веревки, ведра, деготь) по твердым ценам в магазинах Центрального торгового общества “Восток” или обменивать излишки продуктов на дефицитные товары (соль, спички) [10, л. 147]. Помимо оплаты за сданную сельскохозяйственную продукцию в 1943 г. в Дриссенском районе начислялось определенное количество пунктов за некоторое количество сданной продукции: 30 яиц – 10 пунктов, 100 кг ржи, овса, ячменя – 20, 100 кг льносемена – 50, 1 м льняной ткани – 2 пункта и т.д. За начисленные пункты обещалась выдача продуктов из магазина из расчета: 10 пунктов – 1 кг соли, 3 – пачка махорки, 2 – килограмм сахара,

1 пункт – коробка спичек [17, л. 1]. 24 ноября 1941 г. жители г. Гродно были оповещены о введении премиальной системы. За сданный немецким властям 1 кг масла обещалась выдача 1 кг сахара и 2 пачек махорки, за каждые 5 яиц – 1 пачка махорки [18, л. 95].

Заключение

Несшее в пользу немецких оккупационных властей многочисленные повинности и налоги население Беларуси активно уклонялось от их исполнения. Введение премиальной системы при уплате ряда налогов и выполнении повинностей стало косвенным признанием со стороны оккупационных властей того факта, что система налогообложения не функционирует в нужном ей объеме. Анализ налогов и повинностей в период немецкой оккупации дает возможность реконструировать стратегии выживания гражданского населения Беларуси, оказавшегося под гнетом экономической системы нацистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2073. – Оп. 2. – Д. 111. Постановления бургомистра Витебска о сборах на территории г. Витебска и волостных общин.
3. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 7. Решения финансового отдела по заявлениям граждан об освобождении от уплаты подушного налога.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1607. – Оп. 1. – Д. 12. Приказ коменданта округа от 13.04.1944 об обеспечении охраны железной дороги, переписка с окружным комиссариатом и волостными управами о розыске эвакуированных, о социальном обеспечении и др.
5. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 18. Переписка с отделами управы, волостными управами о поставках продуктов питания и др.
6. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2733. – Оп. 1. – Д. 9. Списки рабочих, заявления лесничества о присылке рабочей силы и переписка с бургомистром.
7. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 14. Список сельских кооперативов и магазинов в Лунинецком районе и переписка с Лунинецким районным управлением и сельскими старостами о сборе клюквы по Лунинецкой волости и другим вопросам.
8. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 20. Протокол, акты и сведения о грабежах населения Лунинецкой волости оккупационными властями и их сообщниками, составленные сельскими старостами и жителями деревень.
9. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 10. Переписка с Глубокским окружным комиссариатом, Браславской районной жандармерией о выделении продовольствия и др.
10. ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 3. Распоряжения и указания Полоцкой райуправы.
11. ГАБО. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 4. Газеты, листовки, объявления немецких оккупационных властей за 1941 – 1944 годы.
12. ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 1. Распоряжения и отношения Полоцкой райуправы.
13. ГАБО. – Фонд 2138. – Оп. 1. – Д. 2А. Распоряжения, директивные указания и переписка по административно-хозяйственным вопросам.
14. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 1. Заявления граждан о предоставлении земли, оказании помощи и другим вопросам.
15. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 845. – Оп. 3. – Д. 3. Списки рабочих и служащих Осиповичского районного управления и др.

16. ГАМО. – Фонд 4228. – Оп. 1. – Д. 2. Переписка с районной управой по вручению крестьянам обязательств на государственные поставки, заявления крестьян.
17. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 2. Приказы и инструкции по Борковичской волости.
18. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 16. – Оп. 1. – Д. 3. Заказы гродненских предприятий и учреждений на изготовление бланков, объявлений и образцы заказов.

Поступила в редакцию 11.12.2012 г.

УДК 94(476) “1906 – 1912”

Е.П. ЦУМАРЕВА*

БЕЛОРУССКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ “ОКРАИНЫ РОССИИ” (1906 – 1912 гг.)

Исследуется освещение газетой “Окраины России” процесса становления и развития белорусского национального движения в Северо-Западном крае в начале XX в. Отражены дискуссионные вопросы, такие как признание или непризнание существования белорусского этноса и белорусского языка. Рассматривается взгляд столичных и окраинных деятелей консерватизма на белорусское общество, лидеров белорусского национального движения. Национальный вопрос – вопрос о взаимоотношениях (экономических, территориальных, политических, государственно-правовых, культурных и языковых) между нациями, национальными группами и народностями, вопрос о причинах возникновения противоречий между ними [1].

Введение

На идеологическом поле постсоветского пространства вновь актуализировался выбор между либерализмом и консерватизмом, центристскими тенденциями и суверенностью. Дискурсом международного значения являются теории “плавильного котла” и “мультикультурализма”, тесно переплетенные с национальными вопросами. В данном контексте особый интерес представляют взаимоотношения в восточнославянском мире, критическое осмысление которых в истории требует анализа взглядов, выраженных в СМИ. Важность прессы как исторического источника определяется публичностью борьбы; особо отметим, что в начале XX в. пресса являлась единственным средством массовой коммуникации.

Проблематику освещения национального вопроса в СМИ исследовали белорусские ученые В.М. Конон, Н.А. Зубчонок, А.Г. Слука [2; 3; 4]. Справочный характер имеет энциклопедическая статья о газете “Окраины России”, написанная М. Забавским и И. Забавской [5, с. 352]. Тем не менее, взгляд газеты на белорусский национальный вопрос специально не исследовался.

Задачей статьи является исследование идеологии консерватизма в отношении белорусского национального вопроса, выраженной в газете “Окраины России”.

Белорусские земли, входившие в состав Российской империи, в начале XX в. представляли собой многонациональное пространство с типологически

* Выпускница исторического факультета 2000 г.